

ЕРАЛАШ

Прошла по полям весна, оставив за собою голубые следы – лужи талого снега; расковала речку Студенец, бежит речка мимо села Тулунги, закидывая на черный масляный берег цепкие волнишки, смывая сухие стебли подсолнухов, – в мутной воде кувыркаются мохнатые комья корней.

Тепло вздыхает ветер, стремясь за рекой, покрывая воду золотистой рябью; на берегу покачиваются таловые кусты, распуская почки, некоторые уже раскрылись, – на солнце трепещут желтоватые мотыльки новорожденных листьев.

Над бархатом черных полей, над серебряными пятнами луж стоит голубоватый парок, – влажное дыхание оттаявшей земли. Круг земной свободен, широк, уютно накрыт шатром небес; над селом и полями царствует апрельское солнце, – небо расцвело огненным цветом. Полдень; тепло и радостно.

За рекою, на взгорье, празднично высветлилось богатое село; на одном его конце встала в небо колокольня, – плавится на солнце золоченый крест; на другом, красивой булавою, поднят минарет мечети. Вокруг колокольни выются белые голуби – точно веселый звон превратился в белых птиц. В селе тихо и пусто, – только голуби да колокольный звон, а люди ушли навстречу иконе богоматери, – ее несут в город из древнего монастыря за тридцать верст от Тулунги.

Трое рослых татар, с заступами в руках, молча уравнивают упругую землю – съезд к парому. Один возится на самом пароме, расковыривая ломом доски, еще один – мешая ему – метет паром измызанной метлой, ими тихо командует статный юноша в лиловой тюбетейке – у него очень белое лицо, большие грустные глаза и ярко-красные губы. Я сижу на скамье у ворот постоянного двора, любуюсь тихо-умной работой татар, голубями, – на душе у меня удивительно хорошо, точно я сам сделал всё это: солнце, небо, землю и всё, что на ней. Недурно сделал и тихонько радуюсь.

Постоялый двор держит Устий Сутырин, мещанин из Темрюка, маленький человечек, суетливый, как цыпленок; ему помогает сестра, грудастая мелкозубая баба с плутоватыми глазами, работница, рябая и огромная, и такой же огромный рыжебородый татарин; под этими двумя – земля гнется.

Все они начали шуметь и вертеться с рассвета: пекли, варили, ругались, устраивали столы на улице, под окнами широко развалившейся пятиоконной избы. Я пришел сюда вчера днем, а вечером написал Устину ядовитое прошение на мужиков, которые украли у него жмыхи и убили борова, – прошение очень понравилось Сутырину, особенно пленился он словами: "А посему и принимая во внимание".

– Круто завинчено! – восхищался он, осматривая меня бойкими глазами веселого жулика. – Ты, парень, останься у нас на завтрее, – завтра веселый день у нас, владычицу встречаем, ералаш будет!

Теперь Устин, босой, в синем жилете поверх кумачной рубахи, оводом носится по двору, по улице и командует, сбивая с толка всех своих помощников.

– Ясан, – слепой ты али что? Как ты козлы устави́л? Тыщу лет живете, шайтаны... Дарья, – стой, – куда весы, кто велел?

Со двора павой выходит сноха Устина, Марья, синеокая вдова, – муж ее два года тому назад, в день зимнего Нико́лы, убит в честном бою с татарами на реке Студенце. Вдова одета празднично: на ней синий жакет, желтая, с зелеными цветами, юбка, козловые башмаки с подковами и пунцовый платок на светлых волосах. Устин, поперхнувшись словом, глядит на нее, открыв рот, точно впервые увидал, глядит и восхищенно бормочет:

– Выпялилась, – дама козырей! И тотчас же неистово орет:

– Куда-те поманило, а?

Надвигаясь прямо на него, она спрашивает сочным голосом:

– Ну, а што?

– Ер-ралаш, – отмахнувшись от нее, кричит Ус-тин и убегает во двор.

Юноша-татарин поправил тюбетейку и вынул из-за пазухи кожаный кисет; женщина, подняв сзади юбку на высоту спины, села рядом со мной, вздохнув:

– Тепло!

О том, кто я, откуда, куда иду, – она выпросила меня еще вчера, и теперь ей не о чем говорить. Сидит и дышит, равномерно приподнимая высокую грудь, синие глаза скошены на татарина, он посматривает на 4jee и курит маленькую трубочку. Ласково плещется река, звенят невидимые жаворонки. На дворе непрерывно гудит басовитый голос сестры Устина, надрывается его тонкий голосок. Среди грязной дороги, на сухом сером островке, сидит собака